

11В

Мальцев Василий
Союз писателей Нуре-Romance

Мальцев Василий

11В

«Автор»

2026

Василий М.

11В / М. Василий — «Автор», 2026

Маша Соколова переводится в 11 «В» московской школы 1793 за день до начала выпускного года. У неё одна цель: тихо отсидеться, сдать экзамены и уехать. Социально-экономический класс с ней не согласен. Здесь у всех свои роли, свои правила и свой король — Дима Орлов, мальчик с идеальными оценками, идеальной девушкой и идеальной маской. У Димы есть всё, что положено хотеть. У него есть и то, что он предпочёл бы не показывать никому. Когда Маша — резкая, колючая и совершенно не впечатлённая им — становится его партнёром по годовому проекту, маска начинает трескаться. Между пробными экзаменами, столовскими разборками и поездкой, которая идёт не по плану, они обнаруживают, что оба играют роли. Но в классе, где каждая слабость — валюта, откровенность имеет цену. Некоторые сделают всё, чтобы сохранить иерархию. Некоторые секреты способны разрушить всё. История о годе, который меняет всё, о людях, которыми мы притворяемся, и о страшной цене того, чтобы тебя увидели.

© Василий М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Первый звонок	5
Часть 2. Кафе на Цветном	11
Часть 3. Стенгазета	16
Часть 4. Люди, которых мы не выбираем	21
Часть 5. Территория	25
Часть 6. Фотография	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Союз писателей Нуре- Romance, Мальцев Василий 11В

Часть 1. Первый звонок

Где мы: 1 сентября, первый день учебного года. Маша Соколова приходит в новую школу — 11 «В», социально-экономический класс.

Маша пришла за сорок минут до звонка — специально.

Двор был почти пустой. Пара пацанов сидела на лавочке у забора, один листал телефон, второй грыз семечки и сплёвывал шелуху в одну и ту же точку на асфальте — получалось у него точно, как у стендового стрелка. Тётка с шлангом размывала крыльцо, и вода стекала по ступеням вниз, к решётке ливнёвки, забитой окурками и прошлогодними листьями. Пахло мокрой пылью — тем особым сентябрьским запахом, который обещает новую жизнь и тут же напоминает, что обещания никто не подписывал.

Маша встала у ограды. Поставила рюкзак между ног — не на землю, там было мокро, а на носок ботинка, придерживая коленом. Принялась считать окна. Третий этаж, второе слева — кабинет социально-экономического профиля. Она нашла его на сайте школы, в разделе «Образовательные программы», где была выложена фотография кабинета: интерактивная доска, парты в два ряда, на подоконнике — фикус в керамическом горшке с трещиной. Фикус на фотографии был живой. Сейчас, если верить расписанию, кабинет должен был быть тем же самым.

Заодно она изучила список класса. Двадцать три человека. Восемь мальчиков, пятнадцать девочек. Три отличника — по данным прошлого года. Двенадцать хорошистов. Восемь троечников. И один человек, чью фамилию она видела в списке на первом месте: Орлов Дмитрий. В скобках — «староста». В группе школы во «ВКонтакте» он тоже был на первом плане — на фотографии с прошлогоднего выпускного, где стоял в центре, в белой рубашке, с галстуком, завязанным небрежно, но идеально.

Телефон показывал 8:21. До звонка — тридцать девять минут.

— Ты новенькая?

Она подняла глаза.

Парень. Высокий — сантиметров на пятнадцать выше неё, тёмные волосы, подстриженные так, что с левой стороны чёлка падала на лоб, а с правой была убрана. Пиджак расстёгнут поверх белой рубашки — рубашка была выглажена кем-то, кто точно умел гладить, и на воротнике не было ни единой складки. Лицо из тех, которые знают, что они красивые, и уже перестали об этом переживать — или делают вид, что перестали.

— Нет, — сказала Маша. — Я тут каждый день с метлой стою. Жду, когда школу откроют.

Парень моргнул. Потом засмеялся — коротко, удивлённо, будто не ожидал от себя такого звука.

— Димка, — представился он и протянул руку. — Орлов.

Она посмотрела на руку. Потом на лицо.

— Маша, — сказала она и руки не пожала.

Он не обиделся. Опустил руку, сунул в карман пиджака — движение было отработанным, как у человека, которому часто отказывают и который научился делать вид, что ему всё равно.

— Из какой школы перевелась?

— Из сто пятьдесят четвёртой.

— Не слышал такую.

— Она в другом округе.

— А сюда зачем?

Маша поправила лямку рюкзака. На плече осталась красная полоса от ремня, и она знала, что если не переложить рюкзак, к обеду будет болеть. Переложила.

— Ближе к дому, — сказала она.

Это было не правдой. Точнее, правдой наполовину. Школа 154 находилась в десяти минутах пешком от их съёмной однушки на Профсоюзной, а эта — в сорока. Но об этом он не спрашивал. А она не собиралась объяснять, что в старой школе ей предложили «перевод в интересах всех сторон» после того, как она вlepила двойку по поведению в четверти и высказала всё, что думала, на родительском собрании. Мать тогда проплакала весь вечер и сказала: «Маша, ну хоть раз в жизни промолчи». Маша промолчать не смогла. Она редко могла.

Димка открыл было рот, чтобы сказать что-то ещё, но тут от крыльца донёсся голос:

— Орлов! Ты чё, уже с новенькой познакомился?

По асфальту шёл парень в спортивных штанах и футболке, накинув пиджак на одно плечо, как в кино про американскую школу. Рядом с ним — девушка: высокий хвост, юбка чуть выше колена, губы блестят так, будто она только что их облизнула перед камерой. Она шла ровно, будто по разметке, и смотрела прямо перед собой, но Маша знала этот взгляд: боковым зрением она уже просканировала её с ног до головы и обратно.

— Костя, — сказал Димка, кивнув на парня. — А это Лера.

Лера оглядела Машу — быстро, цепко, как сканер в магазине. Задержалась на рюкзаке, на застёгнутой на все пуговицы рубашке, на ботинках — простых, без брэнда, но чистых.

— Ты в наш класс? — спросила она.

— В 11 «В».

— Угу. — Лера улыбнулась уголком губ. — Ну, удачи.

Улыбка была вежливой и ничего не значила. Маша видела такие раньше. Они означают: я уже знаю, кто ты, и ты мне не интересна. А ещё — я уже знаю, как ты вступишься, и это будет смешно.

— Спасибо, — сказала Маша.

Димка что-то сказал Косте вполголоса. Костя хохотнул, глянул на Машу ещё раз — с любопытством, не с пренебрежением, — и они пошли к крыльцу. Лера шла чуть впереди, и её каблук стучали по асфальту с ритмом метронома.

Маша осталась у забора. Посчитала окна ещё раз. Тридцать восемь минут.

В кабинет она вошла последней.

Учительница — Ирина Павловна, судя по табличке на двери, — стояла у стола и что-то писала в журнале, наклонив голову так низко, что казалось, будто она его нюхает. За партами сидело человек двадцать. Почти все уже нашли себе места: кто-то придвинул стулья, кто-то переговаривался через проход, кто-то сидел в наушниках и делал вид, что его здесь нет. Окна были открыты, и с улицы тянуло тем же запахом мокрой пыли, только теперь с примесью кофе из учительской.

Маша остановилась в дверях. Класс посмотрел на неё.

Она знала этот взгляд. Разной степени доброжелательности, но всегда одинаковый по сути: оценивают. За три школы за два года она выучила это выражение лица — у людей, которые смотрят и решают, сколько ты стоишь. В первой школе она была «девочкой из неполной семьи». Во второй — «той, которая странно одевается». В третьей — «новенькой, которая опять не вписалась». Каждый раз это длилось примерно неделю, потом все привыкали и переставали смотреть. Она надеялась, что здесь будет так же.

Ирина Павловна подняла голову.

— Соколова? — спросила она, сверившись с журналом. — Мария?

— Маша, — сказала она.

— Маша, — повторила учительница. — Садись на свободное место. Вон, у окна, рядом с Аней.

Она указала ручкой на последнюю парту у окна. За ней сидела девочка с короткой стрижкой и в очках, которые она то и дело поправляла средним пальцем — машинально, как привычку. На вид — тихая. Маша знала, что такие либо тихие, либо самые опасные. Середины не бывает.

Маша прошла через класс. Кто-то проводил её взглядом, кто-то нет. Она положила рюкзак на стул, села. Парты были исчерканы изнутри — старые надписи, в основном фломастером, даты, имена, «физичка — зверь», «сдал ЕГЭ на 89». Кто-то однажды написал «я люблю тебя, К.» и замазал корректором. Потом кто-то другой стёр корректором ногтем и дописал «идiotка».

Девочка рядом — Аня — посмотрела на неё сквозь очки и вдруг сказала шёпотом:

— Ты первая новенькая за три года.

— И как? — спросила Маша.

— Что «как»?

— Волнительно?

Аня задумалась. По-настоящему, как будто взвешивала ответ.

— Скорее страшно, — сказала она. — У нас класс специфический.

— В смысле?

— В смысле, — Аня поправила очки, — тут у всех уже есть роли. И если ты не вступишь, будет плохо. Не то чтобы тебя били или травили, нет. Просто... — Она помолчала, подбирая слово. — Тебя перестанут замечать. Это хуже.

Маша открыла рюкзак, достала тетрадь — новую, в клетку, с закладкой на первой странице.

— Я всегда плохо вписываюсь, — сказала она. — Так что уже привыкла.

Аня посмотрела на неё долгим взглядом. Потом вдруг улыбнулась — неожиданно, как будто Маша её чем-то обрадовала.

— Ладно, — сказала она. — Я Аня. Фомина.

— Маша.

— Знаю.

Ирина Павловна начала перекличку.

Класс отвечал вразнобой: кто-то «здесь», кто-то поднимал руку, кто-то не отрывался от телефона. Маша слушала имена и запоминала, как запоминала схемы в метро — по линиям и пересадкам.

Орлов Дмитрий — «здесь» — спокойно, будто это само собой разумелось.

Смирнова Валерия — «я тут, Ирина Павловна» — с улыбкой, которая явно была отрепетирована перед зеркалом. Не фальшивой, нет. Просто слишком ровной.

Кузнецов Константин — «тут» — и тут же: «А можно я пересяду? Тут дует». — «Не можно». — «Ну ладно, посижу, помру».

Кто-то засмеялся. Не все. Маша отметила: смеются не над шуткой, а потому что Костя — тот, над чьими шутками положено смеяться. Это как с начальником: смеёшься не потому, что смешно, а потому что он ждёт.

Гончаров Владислав — «здесь» — без эмоций. Парень с первого ряда, широкоплечий, с лицом человека, который привык, что его слушаются. Не потому что он громкий — он как раз молчал. Потому что от него пахло тем, чем пахнет от людей, которые знают: за ними последнее слово.

Фомина Анна — «я» — тихо.

Мельникова Софья — «здесь» — девочка с третьего ряда, крашенная в пепельный блонд, с длинными ногтями, которыми она постукивала по парте.

Белов Артём — «здесь» — парень в очках, сидел рядом с Софьей и что-то ей шептал, пока она не толкнула его локтем.

Когда переключка дошла до неё, Маша сказала «здесь» так же, как все. Никто не обернулся. Хорошо.

Потом Ирина Павловна начала говорить про выпускной год.

— Это ваш последний год, — сказала она. — Я не буду вам читать нотации, вы их слышали сто раз. Скажу одно: в этом году вам нужно не только сдать экзамены, но и определиться, кто вы. Не кем вы будете работать, а кто вы. Это сложнее.

Она помолчала. В классе стало тише — не до тишины, а до того уровня, когда слышно, как скрипит стул.

— И ещё. В этом году у нас особая программа. Социально-экономический профиль предполагает проектную работу. Один проект на весь год. В парах.

Класс зашевелился. Кто-то сказал «блин», кто-то — «серьёзно?», Костя поднял руку и спросил:

— А можно с самим собой в паре?

— Нет, Кузнецов.

— А почему?

— Потому что тогда это будет не парная работа, а твоя личная драма.

Класс засмеялся — на этот раз искренне. Костя сделал вид, что оскорблён, но было видно, что он доволен.

— Пары я уже составила, — сказала Ирина Павловна, и по классу прокатился стон. — Не стонем. Я учитывала ваши интересы, оценки и... некоторые особенности.

Она открыла блокнот — обычный, в кожаном переплёте, с закладкой из тесьмы. Маша подумала: если бы учителя выбирали по блокнотам, эта была бы в топе.

— Орлов — Соколова.

Маша подняла голову. Димка не обернулся сразу — прошло секунды две, прежде чем он повернулся. И это было хуже, чем если бы он посмотрел сразу. Как будто ему нужно было время, чтобы решить, как реагировать.

— Отлично, — сказал Влад с первого ряда. Громко, чтобы все слышали. — Орлов, ты теперь с новенькой. А Лера не против?

Лера не сказала ничего. Только улыбнулась — коротко, вежливо. Но её пальцы, лежавшие на парте, сжались в кулак, а потом разжались. Маша заметила это. И, судя по тому, как Аня рядом еле слышно выдохнула, заметила не только она.

— Я не против, — сказала Лера. — Почему я должна быть против?

— Ну мало ли, — Влад пожал плечами. — Вдруг у вас планы были.

— У нас не было планов, — сказала Лера. — Мы не вместе.

Это прозвучало так, будто она повторяла заученное. Костя хмыкнул и тут же получил от Леры взгляд, от которого хмыкать расхотелось. Даже Маша почувствовала этот взгляд — как холод по затылку, хотя он был направлен не в её сторону.

Маша записывала пары в тетрадь. Она не поднимала головы. Но чувствовала, как атмосфера в классе изменилась — как будто кто-то повернул ручку настройки на один щелчок. Не сильно. Но заметно.

Она теперь была частью уравнения. Не просто новенькой, которая сидит у окна и никого не трогает. Нет. Она теперь была партнёром Орлова. А это, судя по реакции, что-то значило.

— Кузнецов — Фомина, — продолжила Ирина Павловна.

Костя повернулся к Ане и театрально поклонился, сидя за партой:

— Аня, ты моя половинка. Готовься, я буду тебя эксплуатировать.

— Я тебя сама эксплуатирую, — сказала Аня, не поднимая глаз от тетради.

Костя моргнул. Кто-то засмеялся — на этот раз по-настоящему, не из вежливости. Маша увидела, как Аня чуть-чуть улыбнулась, не разжимая губ, и подумала: а эта девочка не так проста.

— Смирнова — Гончаров.

Лера улыбнулась Владу. Влад кивнул. Это было похоже на сделку, а не на распределение пар.

— Мельникова — Белов.

Софья закатила глаза, Артём что-то пробормотал.

— Тихо, — сказала Ирина Павловна, не поднимая головы от блокнота.

Она перечисляла пары ещё минуты две. Маша записывала. Димка за это время ни разу не обернулся. Лера — тоже. Но Маша чувствовала, что они оба о ней думают. Это было странное ощущение — как будто ты стоишь под дождём, а на тебя смотрят из окон.

После урока Димка подошёл к её парте.

Аня уже вышла — куда-то по делам, бросив на ходу: «увидимся». Маша складывала тетради в рюкзак. Димка встал рядом, оперся рукой на спинку стула Ани.

— Ну что, партнёр, — сказал он. — Как тебе класс?

— Нормально, — сказала Маша.

— Врёшь.

Она посмотрела на него.

— С чего ты взял?

— У тебя лицо. — Он показал на своё, обвёл пальцем. — Как у человека, который проглотил лимон. Только без эмоций.

— Может, мне просто лимоны не нравятся.

— Может. — Он пожал плечами. — Слушай, у нас проект. Тема — «Социально-экономическое развитие Москвы». Скука смертная, но нам нужно что-то придумать.

— Я знаю тему, — сказала Маша. — Ирина Павловна сказала.

— А, ну да. — Димка кивнул. — Значит, ты подготовилась.

— Я всегда подготовлена.

— Это заметно. — Он оглядел её — рюкзак, тетрадки, рубашка, застёгнутая на все пуговицы. — Слушай, есть предложение.

— Какое?

— Давай встретимся завтра после уроков. В кафе на Цветном. «Шоколадница», знаешь? Обсудим проект, а заодно я тебе расскажу, кто тут кто. Чтобы ты не села в лужу.

Маша застегнула рюкзак.

— С чего ты взял, что я сяду в лужу?

— Все садятся. — Димка убрал руку со спинки стула. — Даже те, кто думает, что не сядут.

Она посмотрела на него — долгим взглядом. Он выдержал. Не отвёл глаза, не начал улыбаться, чтобы сгладить. Просто стоял и смотрел.

— Ладно, — сказала она. — Завтра. В кафе.

— В четыре?

— В полпятого.

— Почему?

— Потому что в четыре у меня дела.

Димка улыбнулся — на этот раз по-настоящему, как будто она его чем-то зацепила.

— Договорились.

Он ушёл. Маша постояла секунду, потом вышла из класса.

В коридоре у окна стояла Лера и смотрела на неё. Просто стояла и смотрела — без улыбки, без эмоций. Как будто что-то решала. За её спиной, у стены, висел стенд с расписанием кружков, и Лера загораживала половину, но не отходила.

Маша прошла мимо.

— Соколова, — сказала Лера ей в спину.

Маша остановилась.

— Что?

— Ничего. — Лера пожала плечами. — Просто запомни: тут не все рады новеньким.

Маша обернулась.

— Спасибо, — сказала она. — Я запомню.

И пошла дальше по коридору. За спиной было тихо. Слишком тихо для коридора, в котором двадцать человек только что вышли с урока. Маша не оборачивалась. Она уже знала: если обернуться — проиграешь. Не в этот раз. Не в первый день.

Она вышла из школы, надела рюкзак поудобнее и пошла к метро. Телефон завибрировал — сообщение от матери: «Как первый день?» Маша посмотрела на экран, вздохнула и написала: «Нормально. Всё хорошо».

Потом убрала телефон в карман и пошла дальше. Солнце било в глаза. Где-то за спиной, на третьем этаже, в кабинете социально-экономического профиля, кто-то открывал окно. Маша не обернулась.

У неё было полтора дня, чтобы придумать, как вести себя с Орловым. И целый год, чтобы понять, во что она вляпалась.

Дальше: Маша приходит в кафе на встречу с Димой и узнаёт, что у него есть свой план — на проект, на класс и на неё.

Часть 2. Кафе на Цветном

Дома Маша первым делом вымыла посуду.

Раковина была забита: две тарелки, три чашки, кастрюля с присохшей кашей и сковородка, в которой мать жарила яйца утром — Маша ушла раньше, мать ещё спала, а когда вернулась, сковородка уже стояла на плите, жирная, с остатками белка по краям. Маша надела резиновые перчатки, включила горячую воду и принялась отскребать кастрюлю. Вода шумела, пар поднимался к вытяжке, и в этом шуме было что-то успокаивающее — как будто можно было не думать.

Мать пришла в семь. Усталая, в рабочем халате под курткой, с сумкой, из которой торчал уголок «Магнита». Она поставила сумку на пол, сняла куртку, повесила на крючок у двери — крючок был прикручен криво, и куртка всё время съезжала набок.

— Как день? — спросила она.

— Нормально, — сказала Маша. — В школе всё как обычно.

— А класс?

— Тоже нормально. Социально-экономический.

Мать кивнула. Открыла холодильник, посмотрела внутрь, закрыла.

— Ужинать будешь?

— Я уже.

— Что ел-то?

— Гречку.

Мать помолчала.

— Я завтра получку получу, — сказала она. — Может, купим тебе куртку новую. Старая уже...

— Не надо, — сказала Маша. — Мне хватает.

— Маш.

— Мам, правда. Мне хватает.

Мать посмотрела на неё — долгим взглядом, от которого Маша всегда чувствовала себя одновременно виноватой и раздражённой. Потом вздохнула и пошла в комнату. Через минуту оттуда донёсся звук телевизора — вечерние новости, привычный фон.

Маша вытерла руки, ушла в свою комнату. Комната была маленькая — кровать, стол, шкаф, всё впритык. На столе лежала стопка учебников, которые она взяла в библиотеке, и блокнот с планами на год. Она открыла блокнот, посмотрела на список.

Сдать ЕГЭ на 85+.

Не влезать в разборки.

Найти подработку.

Уехать.

Она перечитала. Пункт два был самым сложным. Пункт четыре — самым важным.

Она закрыла блокнот, легла спать. Но сон не шёл. В голове крутились лица: Димка с его протянутой рукой, Лера с её вежливой улыбкой, Влад с его «а Лера не против?». И Аня — с её «если ты не вступишь, будет плохо».

Маша не собиралась вписываться. Она собиралась пройти сквозь год, как сквозь дождь: быстрым шагом, не оборачиваясь.

На следующий день она пришла в «Шоколадницу» в 16:24.

Кафе было почти пустым: послеобеденный провал, за стойкой скучала девушка в фартуке, за одним из столиков у окна сидел мужчина с ноутбуком. Пахло кофе и разогретым шоколадом. Маша выбрала столик в углу — не у окна, не на проходе. Спиной к стене.

Она заказала какао и ждала. Какао принесли в высокой кружке, с зефиркой сверху. Маша помешала, зефирка утонула. Она посмотрела на телефон. 16:31.

Димка вошёл в 16:34. Она заметила его сразу — не потому, что ждала, а потому что он был из тех, кого замечаешь. Высокий, в джинсах и тёмной рубашке с закатанными рукавами, без пиджака — сегодня он выглядел проще, чем вчера, и от этого как-то моложе. Он огляделся, увидел её, кивнул и пошёл к столу.

— Ты раньше пришла, — сказал он, садясь напротив.

— Ты тоже.

— Я всегда рано.

— Я тоже.

Он улыбнулся.

— Ну, тогда мы поладим.

Маша отпила какао. Молчала. Димка тоже молчал — смотрел в меню, хотя меню уже лежало перед ним, и он наверняка знал его наизусть. Потом сказал:

— Ладно, начну с главного. Проект. Тема — «Социально-экономическое развитие Москвы». Это значит, что нам нужно взять какой-то аспект — транспорт, экологию, урбанистику, что угодно — и сделать исследование с презентацией. Защита в апреле. Оценка идёт в аттестат.

— Я знаю.

— Хорошо. Тогда мой план: мы берём тему «Транспортная доступность спальных районов». Это актуально, это интересно, и по этому есть данные. У моей матери есть знакомый в департаменте транспорта, он может дать статистику.

— У тебя всё продумано.

— Стараюсь.

Маша отпила ещё глоток.

— А почему я? — спросила она. — В классе двадцать три человека. Почему ты решил, что я подхожу?

Димка откинулся на спинку стула. Посмотрел на неё — прямо, без улыбки.

— Потому что ты новенькая, — сказал он. — Ты неходишь в группы. Не обязана никому. Я могу работать с тобой, не думая, что ты потом побежишь к кому-то рассказывать.

— Рассказывать что?

— Всё. — Он пожал плечами. — В нашем классе всё становится известно. Если я работаю с кем-то из своих, это сразу становится предметом обсуждения. А с тобой — нет.

— Значит, я — ширма.

— Партнёр.

— Ширма, — сказала Маша. — Ты только что это описал.

Димка помолчал. Потом кивнул.

— Ладно. Ширма. Но это в обе стороны. Ты тоже можешь меня использовать.

— Как?

— Например, я могу рассказать тебе, кто тут кто. Как я и обещал. — Он посчитал на пальцах: — Влад — это отдельная история. Он не просто так с первого ряда. Он в классе с восьмого, у него отец — какой-то бизнесмен, не знаю точно, но с деньгами. Влад привык, что за ним последнее слово. Костя — при нём, но Костя не злой. Он просто... — Димка поискал слово. — Громкий. Ему нужно, чтобы его замечали.

— А Лера?

Димка замолчал. На секунду — короткую, но заметную.

— Лера — это Лера, — сказал он. — Она умная. Очень. Она не просто красивая девочка с хвостом. У неё всё спланировано на десять лет вперёд. И она не любит, когда что-то идёт не по плану.

— А я, значит, иду не по плану.
— Ты появилась в её плане вчера. — Димка улыбнулся, но улыбка была невесёлой. — Она ещё не решила, что с тобой делать.
Маша поставила кружку на стол.
— А ты? Ты решил, что со мной делать?
— Я решил, что мы будем работать вместе. Всё остальное — потом.
— Очень удобно.
— Удобно, — согласился он. — Я не говорю, что я хороший. Я говорю, что я честный.
Маша посмотрела на него. Врут все, подумала она. Но этот врал так, что хотелось поверить. Это было опаснее.
— Ладно, — сказала она. — Транспортная доступность. Что от меня нужно?
— Для начала — придумать, как мы будем собирать данные. Можно сделать опрос среди учеников. Можно взять статистику. Можно съездить в пару районов и посмотреть. — Он подался вперёд. — У меня есть машина. Точнее, у отца, но я могу брать.
— У тебя есть машина, — повторила Маша.
— Что?
— Ничего. Просто... — Она пожала плечами. — Ты сказал это так, будто это нормально.
— Это нормально.
— Для тебя — да.
Димка помолчал.
— Ты всегда так? — спросил он.
— Как?
— Ищешь, за что зацепиться.
Маша улыбнулась — впервые за разговор.
— Ты сам сказал, что я ширма. Я просто проверяю, насколько ты честный.
Димка засмеялся. На этот раз — искренне.
— Ладно, — сказал он. — Тогда так. Завтра после уроков мы идём в библиотеку. Там есть подшивки статистических сборников. Посмотрим, что есть. Потом решим.
— В библиотеку так в библиотеку.
— И ещё. — Он помолчал. — Ты в курсе, что Лера вчера после школы тебя ждала?
— В курсе. Она сказала, что тут не все рады новеньким.
— Это она тебя предупреждает.
— Или пугает.
— Или и то, и другое. — Димка допил свой кофе. — Слушай, я не буду делать вид, что всё просто. В классе есть иерархия. Влад наверху. Лера — рядом с ним, но не под ним. Она сама по себе. Костя — при Владе, но не раб. Аня — отдельно, она умная, её не трогают. Остальные — как получится.
— А ты?
— А я — староста. — Он сказал это без гордости, скорее как факт. — Это значит, что я отвечаю за всех. И это значит, что все смотрят на меня.
— И ты устал.
Димка замолчал. Посмотрел на неё — долгим взглядом.
— С чего ты взяла?
— У тебя лицо.
Он улыбнулся — уголком губ.
— Ты первый человек, который это сказал вслух.
— И что?
— Ничего. — Он встал. — Завтра в библиотеке. В три.
— В полчетвёртого.

— Почему?

— Потому что в три у меня дела.

Он покачал головой, но не спорил.

— Хорошо. В полчетвёртого.

Он пошёл к выходу, но у двери обернулся.

— Маша.

— Что?

— Ты не ширма. — Он помолчал. — Пока.

И вышел.

Маша осталась сидеть. Какао остыло. Зефирка давно растворилась. За окном шёл дождь — мелкий, сентябрьский, который не столько льёт, сколько висит в воздухе.

Она достала телефон. Сообщение от матери: «Ты где?» Она написала: «В кафе. Скоро буду».

Потом открыла блокнот и записала:

Проект: транспорт. Дима — не простой. Лера — опасна. Влад — отдельно. Аня — союзник?

Она посмотрела на этот список. Потом дописала:

Не влезать.

Закрыла блокнот. Допила остывшее какао. И пошла домой — под дождём, без зонта, потому что зонт остался дома.

На следующий день в школе её ждал сюрприз.

Она пришла за десять минут до звонка. В классе уже сидели человек пятнадцать. На её парте лежала записка — сложенная вдвое, без подписи. Маша развернула.

«Новенькая, тебе тут не место. Подумай, пока не поздно».

Печатные буквы. Не от руки — на компьютере. Значит, распечатали. Маша обвела взглядом класс. Кто-то смотрел на неё, кто-то нет. Аня сидела на своём месте, читала книгу. Лера — у окна, с телефоном. Влад — на первом ряду, смотрел в стену.

Маша сложила записку, убрала в карман. Села за парту.

— Что это? — спросила Аня, не поднимая глаз от книги.

— Записка.

— От кого?

— Не подписана.

Аня посмотрела на неё.

— Покажи.

Маша отдала. Аня прочитала, поджала губы.

— Это не Лера, — сказала она. — Лера бы так не сделала. Это кто-то из её окружения. Может, Софья. Может, кто-то ещё.

— Ты знаешь, кто?

— Догадываюсь. Но не скажу. — Аня вернула записку. — Потому что если скажу, а я ошибусь, будет хуже.

— Хуже, чем записка?

— Хуже, чем война. — Аня поправила очки. — Ты можешь сделать вид, что не получила её. Это самый умный вариант.

Маша посмотрела на записку. Потом на Аню.

— А если я не хочу делать вид?

— Тогда ты ввяжешься в драку, которую не начала. — Аня помолчала. — Ты новенькая. У тебя нет здесь никого. Я — одна. Мы не в том положении, чтобы воевать.

Маша кивнула. Убрала записку в рюкзак.

— Ладно, — сказала она. — Сделаю вид.

Но когда прозвенел звонок и Ирина Павловна вошла в класс, Маша подняла руку.

— Ирина Павловна, можно вопрос?

— Да, Соколова.

— Кто отвечает за стенгазету в этом году?

Класс затих. Ирина Павловна посмотрела на неё с любопытством.

— Пока никто. А что?

— Я хочу. — Маша пожала плечами. — У меня есть опыт.

Аня рядом еле слышно выдохнула. Лера подняла голову от телефона. Влад повернулся.

— Хорошо, — сказала Ирина Павловна. — Тогда ты и отвечаешь. Первый выпуск — к концу сентября.

Маша кивнула. Села.

Аня наклонилась к ней.

— Ты что делаешь? — прошептала она.

— Ввязываюсь, — сказала Маша. — Но по своим правилам.

Дальше: Маша берётся за стенгазету и обнаруживает, что это не просто бумага и краски — это способ узнать, кто в классе что скрывает. А Дима получает сообщение, которое меняет его планы.

Часть 3. Стенгазета

Где мы: середина первой учебной недели. Маша взялась за стенгазету и договорилась с Димой работать над проектом в библиотеке. Дима получает сообщение, которое меняет его планы.

В библиотеку Маша пришла в 15:20.

Школьная библиотека занимала две комнаты на втором этаже: в первой стояли стеллажи с учебниками и художественной литературой — по большей части потрёпанной, с загнутыми уголками и штампами «1978», — во второй были столы для работы и старый компьютер с монитором, который включался с третьего раза. За столом у окна сидела библиотекарша — женщина лет шестидесяти, в очках на цепочке, с книгой в руках. Она посмотрела на Машу поверх очков.

— Ты чья?

— Соколова. Из 11 «В».

— Новенькая? — Библиотекарша отложила книгу. — А, да, мне Ирина Павловна говорила. Проект?

— Проект.

— Садись вон там, у стеллажей. Там светлее.

Маша села. Достала блокнот, ручку, телефон. Открыла записки, которые сделала вчера: «Транспортная доступность спальных районов. Данные: статистика, опрос, выезд». Она успела заглянуть пару статей — про то, как в Москве строили новые станции метро, про то, как в спальных районах проблема с автобусами, про то, что в некоторых районах до остановки идти пятнадцать минут. Всё это было интересно, но пока не складывалось в структуру.

Дима пришёл в 15:42. Опоздал на двенадцать минут. Маша отметила это машинально — она всегда отмечала, кто на сколько опоздал. Как будто внутри неё сидел маленький бухгалтер, который записывал всё.

— Извини, — сказал он, садясь напротив. — Задержался.

— Бывает.

Он достал из рюкзака ноутбук — тонкий, серебристый, с наклейкой на крышке, которую он быстро отклеил и сунул в карман. Маша успела заметить: наклейка была с логотипом какого-то бренда одежды. Не из дешёвых.

— Что у тебя? — спросил он, открывая ноутбук.

— Наброски. — Маша пододвинула блокнот. — Я думаю, нам нужно три части: первая — проблема, вторая — данные, третья — выводы. Проблема: в спальных районах плохая транспортная доступность. Данные: статистика и опрос. Выводы: предложения.

Дима посмотрел на блокнот. Потом на неё.

— Ты это за вечер сделала?

— За ночь.

— Не спала?

— Спала. — Маша пожала плечами. — Часа четыре.

Дима покачал головой, но ничего не сказал. Открыл ноутбук, начал что-то печатать.

Они работали молча минут двадцать. Маша писала в блокноте, Дима стучал по клавишам. Библиотекарша перелистывала книгу — шелест страниц был единственным звуком, кроме дождя, который снова начался и стучал по подоконнику.

Потом телефон Димы завибрировал.

Он посмотрел на экран. Маша не видела, что там было написано — экран был повернут от неё, — но увидела, как изменилось его лицо. Не сильно. Он не побледнел, не вздрогнул. Просто что-то в нём застыло — как будто кто-то нажал на паузу.

— Всё нормально? — спросила Маша.

— Да. — Он убрал телефон в карман. — Работаем дальше.

— Точно?

— Точно.

Он вернулся к ноутбуку. Но ритм сбился: он печатал медленнее, иногда останавливался и смотрел в экран, не двигаясь. Маша видела, как он дважды провёл рукой по волосам — привычка, которая, судя по всему, означала раздражение или тревогу.

Она не стала спрашивать. Во-первых, не её дело. Во-вторых, она знала: если человек хочет рассказать, он расскажет. Если нет — хоть пытай.

— Слушай, — сказал Дима через минуту. — Я, наверное, сегодня не могу долго. Надо уйти пораньше.

— Ладно.

— Завтра продолжим?

— Завтра у меня стенгазета.

— А, точно. — Он кивнул. — Тогда в пятницу.

— В пятницу.

Он закрыл ноутбук, собрал вещи. Уже у двери обернулся.

— Маша.

— Что?

— Спасибо, что не спросила.

— Я не из вежливости. Просто не моё дело.

— Всё равно спасибо.

Он вышел. Маша осталась сидеть. Библиотекарша посмотрела на неё поверх очков.

— Мальчик твой?

— Партнёр по проекту.

— А. — Библиотекарша вернулась к книге. — Хороший мальчик. Только дёрганный.

Маша промолчала. Но подумала: интересно, что она имеет в виду.

Стенгазету Маша начала делать в четверг.

Она попросила у Ирины Павловны ключ от кабинета — «чтобы после уроков поработать» — и получила его без вопросов. Кабинет был пустой, свет из окон падал на парты, и в этой пустоте было что-то уютное. Маша разложила на полу ватман — два листа А1, которые она купила в канцелярском магазине на свои деньги, — и села рядом на корточки, раздумывая, с чего начать.

Стенгазета в её понимании не должна была быть скучной. В прошлой школе она делала такую — про учителей, с фотографиями и шутками, которые были смешными, но не обидными. Здесь она решила сделать то же самое, но с классом: «11 «В»: кто мы?» — с портретами, цитатами, маленькими историями.

Проблема была в том, что она никого не знала. Кроме Ани, Димы, Леры и Влада — по одному разговору.

Она начала с того, что знала. Написала заголовок — крупными буквами, синим маркером: «11 «В»: ГОД, КОТОРЫЙ ИЗМЕНИТ ВСЁ». Потом пририсовала по краям маленькие звёздочки. Получилось по-детски, но ей понравилось.

Потом в кабинет заглянул Костя.

— О, новенькая. — Он вошёл, не спрашивая разрешения. — Стенгазету делаешь?

— Делаю.

— А можно я посмотрю?

— Смотри.

Костя подошёл, сел на парту рядом — не на стул, а прямо на парту, свесив ноги. Маша поморщилась, но ничего не сказала.

— «Год, который изменит всё», — прочитал он. — Пафосно.

— А ты бы как назвал?

— «11 «В»: мы ещё здесь». — Он ухмыльнулся. — Или «Класс, который пережил Влада».

— Влад что, монстр?

— Влад — нет. Влад — нормальный. Просто... — Костя почесал затылок. — Он любит, когда всё по его. Не то чтобы он злой. Он просто не понимает, что может быть иначе.

— А ты? Ты понимаешь?

Костя посмотрел на неё. Впервые — без ухмылки.

— Я понимаю. Просто мне проще быть с ним, чем против.

— Почему?

— Потому что против — это война. А я не воин. — Он пожал плечами. — Я шут. Шутам прощается больше.

Маша записала это в блокнот — не дословно, а для себя: «Костя — не дурак. Притворяется».

— Слушай, — сказала она. — Мне нужны люди для стенгазеты. Кто-нибудь, кто согласится дать цитату или фото.

— Спроси Аню. Она умная, ей можно доверять. — Костя спрыгнул с парты. — И ещё... — Он помолчал. — Спроси Софью. Она тебе нахамит, но согласится.

— Почему?

— Потому что она хочет быть замеченной. А ты — новенькая, ты не в курсе, кто она. Для неё это шанс.

Он ушёл. Маша посмотрела ему вслед. Потом записала: «Костя — умнее, чем кажется. Софья — хочет внимания».

Аня согласилась сразу. Даже обрадовалась.

— Я могу написать про библиотеку, — сказала она. — Или про олимпиады. Я в том году заняла третье место по обществознанию.

— Давай про олимпиады. И фотографию.

— У меня нет хорошей фотографии.

— Сделаем.

Аня задумалась.

— Ладно. Только не говори, что я выиграла. Скажи, что участвовала. А то подумают, что я хвастаюсь.

Маша записала: «Аня — скромная. Или боится, что засмеют».

Софья отреагировала так, как предсказал Костя.

— С чего ты взяла, что я буду участвовать в твоей газете? — сказала она, не поднимая глаз от телефона.

— Потому что ты — одна из тех, кто делает класс классом. Без тебя газета будет неполной.

Софья подняла голову. Посмотрела на неё — подозрительно, но с интересом.

— Что ты хочешь?

— Цитату. Что-нибудь про то, какой у нас класс. И фотографию.

— Фотографию?

— Можно с телефона. Главное, чтобы ты была.

Софья помолчала. Потом вздохнула.

— Ладно. Но я сама выберу фото.

— Договорились.

С Владом Маша говорить не стала. Не потому, что боялась, а потому, что понимала: он не даст ничего. Люди вроде Влада не дают интервью — они дают указания. А ей не нужны были указания.

С Лерой — тоже. По той же причине, только сложнее.

В пятницу после уроков Маша осталась в кабинете одна. Раскладывала материалы: фотографии, которые ей прислали, цитаты, которые она записала. Получалось неплохо. На ватмане постепенно вырисовывался класс — не тот, который она видела на уроках, а другой: с шутками, с историями, с людьми, у которых были свои роли.

Она уже почти закончила, когда дверь открылась.

Дима.

— Ты чего тут? — спросила Маша.

— Искал тебя. — Он вошёл, закрыл за собой дверь. — Хотел поговорить.

— О проекте?

— Нет. — Он сел за парту напротив, но не на стул, а на столешницу, как Костя. Маша отметила: значит, он тоже нервничает. — О вчерашнем.

— О чём именно?

— О том, что я ушёл. — Он помолчал. — Ты не спросила, но я видел, что ты заметила.

— Заметила.

— Это было сообщение от матери. — Дима смотрел не на неё, а в окно. — Отец не пришёл домой. Опять.

Маша ничего не сказала. Ждала.

— Он уходит, — сказал Дима. — Не в смысле «уходит из семьи». В смысле — уходит. Уезжает. В Петербург. У него там работа, какой-то проект. Он сказал, что это на полгода. Но мать говорит, что он не вернётся.

— А ты что думаешь?

— Я думаю, что он уже ушёл. Давно. Просто мы делаем вид, что нет. — Дима усмехнулся. — Как всегда.

Маша отложила маркер. Посмотрела на него.

— Зачем ты мне это рассказываешь?

— Потому что ты не из класса. — Он повернулся к ней. — Ты не побежишь рассказывать Лере. Или Владу. Или кому-то ещё. Ты просто... — Он поискал слово. — Ты просто есть. И ты не делаешь вид, что всё хорошо.

— Я и не делаю.

— Вот именно. — Он улыбнулся — слабо, но искренне. — Все делают. Все говорят: «Всё нормально», «Всё хорошо», «Ничего страшного». А ты говоришь: «Я знаю, что ты врешь». И это... — Он замолчал.

— Что «это»?

— Не знаю. — Дима покачал головой. — Странно. В хорошем смысле.

Они помолчали. За окном снова шёл дождь — третий день подряд. Маша подумала: сентябрь в этом году был мокрый. Как будто лето не хотело уходить.

— Ладно, — сказал Дима, вставая. — Я пойду. Просто хотел, чтобы ты знала.

— Дима.

— Что?

— Ты не обязан делать вид, что у тебя всё хорошо. — Маша посмотрела на него. — По крайней мере, со мной.

Он задержался на секунду. Потом кивнул.

— Спасибо.

И вышел.

Маша осталась сидеть. На ватмане перед ней был класс — двадцать три лица, двадцать три истории. Она посмотрела на пустое место в центре, куда ещё не вклеила фотографию. Туда она планировала поместить общее фото класса. То, которое сделают на следующей неделе.

Она взяла маркер и написала в центре: «Здесь могли быть мы».

Потом зачеркнула. Слишком пафосно.

Написала: «11 «В». Начало».

Оставила.

В понедельник стенгазета висела в коридоре у кабинета.

Маша пришла пораньше, чтобы повесить её до первого урока. Прикрепила кнопками — аккуратно, по углам, чтобы не порвать. Отошла на шаг, посмотрела.

Получилось хорошо. Даже лучше, чем она думала.

Первыми подошли Костя и Аня. Костя присвистнул.

— О, это я! — Он ткнул пальцем в свою фотографию. — И цитата: «Главное — не воспринимать себя слишком серьёзно». Я это говорил?

— Ты это говорил, — сказала Маша. — В четверг.

— Не помню. Но звучит умно.

Аня читала молча. Потом сказала:

— Ты написала, что я участвовала в олимпиаде. Не выиграла.

— Ты просила.

— Я знаю. — Аня поправила очки. — Просто... спасибо.

Подошли другие. Кто-то смеялся, кто-то искал себя. Софья стояла у своей фотографии и делала вид, что ей всё равно, но Маша видела, как она украдкой улыбается.

Лера подошла последней. Посмотрела на газету — долго, внимательно. Потом повернулась к Маше.

— Неплохо, — сказала она. — Только тут нет меня.

— Ты не дала цитату.

— Я не давала, потому что ты не просила.

Маша посмотрела на неё.

— Ты хочешь дать?

Лера улыбнулась — той самой улыбкой, отрепетированной.

— В следующий раз проси. — Она пошла дальше по коридору, но у двери обернулась. — И ещё, Соколова. Стенгазета — это хорошо. Но не думай, что это что-то меняет.

Она вошла в класс.

Маша осталась стоять у газеты. Костя подошёл сзади.

— Не обращай внимания, — сказал он. — Она всегда так.

— Знаю.

— Нет, ты не знаешь. — Костя понизил голос. — Лера не просто так. Она видит в тебе угрозу. Не потому, что ты что-то сделала. А потому, что ты — новенькая, и Дима с тобой работает. Для неё это как... — Он поискал слово. — Как трещина в стене. Пока маленькая, но она уже есть.

— И что мне делать?

— Ничего. — Костя пожал плечами. — Просто будь осторожна. И не давай ей повода.

Он ушёл в класс. Маша посмотрела на газету. На фотографию Димы в правом верхнем углу — он улыбался, но глаза были серьёзные. На свою собственную фотографию в левом нижнем — она стояла у окна, смотрела в камеру, и лицо у неё было такое, будто она ждёт, когда её перестанут фотографировать.

Она вздохнула. Поправила кнопку в углу — та немного вылезла. И пошла в класс.

Дальше: Маша узнаёт, что Дима не просто так помогает ей с проектом — у него есть свой интерес, и этот интерес связан с отцом. А в классе появляется человек, который знает о Маше больше, чем она думала.

Часть 4. Люди, которых мы не выбираем

Где мы: вторая неделя сентября. Маша и Дима продолжают работать над проектом. Дима получает звонок, который меняет всё. В класс возвращается ученик, которого не было с первого дня.

В школе было три места, где Маша чувствовала себя почти нормально.

Первое — подоконник на третьем этаже у кабинета истории, где можно было сидеть между уроками, если никто не видел. Второе — библиотека, потому что там никто не разговаривал громче шёпота. Третье — столовая в 10:40, когда основная волна уже прошла и оставались только те, кто, как и она, не любил толпу.

В среду она сидела в столовой с подносом: гречка, котлета, компот. Аня сидела напротив, ковыряла вилкой в салате и рассказывала про олимпиаду.

— ...и там было задание про рынок труда. Нужно было проанализировать, как меняется структура занятости в Москве за последние десять лет. Я написала про то, что растёт доля услуг и падает доля промышленности. Это же очевидно, да? Но проверяющий сказал, что я не учла миграцию.

— И что?

— И то. Я не учла миграцию. — Аня вздохнула. — В следующем году учту.

Маша отпила компот.

— Ты всегда так серьёзно относишься к олимпиадам?

— А как к ним относиться? — Аня пожала плечами. — Это единственное, что я умею делать хорошо. Ну, кроме библиотеки.

— Ты умеешь ещё много чего.

— Например?

Маша задумалась.

— Ты умеешь слушать. И не перебивать. Это редкость.

Аня посмотрела на неё. Потом улыбнулась — тихо, уголком губ.

— Спасибо.

Они помолчали. В столовой было шумно: кто-то смеялся у кассы, кто-то спорил о футболе, подносы гремели. Маша посмотрела в окно. На улице снова моросил дождь — сентябрь в этом году был мокрый, как будто лето обиделось и ушло, хлопнув дверью.

— Слушай, — сказала Аня. — Ты в курсе, что Ромка вернулся?

— Какой Ромка?

— Белов. Артём Белов. Он с первого дня не ходил — болел. А сегодня вроде должен быть.

Маша нахмурилась.

— Белов... Это который с Софьей в паре?

— Ага. — Аня кивнула. — Он нормальный. Тихий. Не то чтобы друг, но не враг.

— Почему ты мне это говоришь?

— Потому что он знает про тебя.

Маша поставила стакан.

— Что значит «знает»?

— Не знаю. — Аня пожала плечами. — Он вчера в классе сказал: «А новенькая — это же та девчонка из лагеря». Я не спрашивала, из какого. Но он сказал это так, будто знает больше, чем говорит.

Маша почувствовала, как внутри что-то сжалось. Лагерь. Два года назад. Лето перед десятым классом. Она ездила в спортивно-оздоровительный лагерь под Звенигородом — мать настояла, сказала, что ей нужно «подышать воздухом». Три недели. Она почти ни с кем не

общалась, кроме одной девочки — Наташи, с которой они вместе ходили на волейбол. А потом был случай.

Она не любила вспоминать тот случай.

— Ты знаешь, что там было? — спросила Маша.

— Нет. И не спрашиваю.

— Спасибо.

— Но если он начнёт говорить, — Аня понизила голос, — лучше, чтобы ты была готова.

Маша кивнула. Допила компот. И пошла на следующий урок.

Артём Белов появился в классе на большой перемене.

Маша сразу его узнала. Худой, в очках — не таких, как у Ани, а прямоугольных, в тонкой оправе, — с короткими светлыми волосами, которые торчали в разные стороны, как будто он только что встал с постели. Он вошёл в класс, поставил рюкзак на парту рядом с Софьей и сел, не глядя ни на кого.

Софья что-то ему сказала. Он кивнул.

Маша наблюдала за ним краем глаза. Он не смотрел в её сторону. Пока.

На уроке литературы — Толстой, «Война и мир», первый том — Артём поднял руку.

— Анна Сергеевна, а можно вопрос?

— Можно, Белов.

— Вот вы сказали, что Наташа Ростова — положительный персонаж. Но она же предала Андрея. Почему мы её считаем положительной?

Учительница улыбнулась.

— Потому что она живая, Артём. Положительный персонаж — не тот, кто не ошибается.

А тот, кто ошибается и меняется.

Артём кивнул. Сел.

Маша смотрела на него. Он говорил спокойно, без вызова. Как будто ему действительно было интересно. Это было странно — в этом классе все или старались выглядеть умными, или старались выглядеть так, будто им всё равно. Артём не старался. Он просто был.

После урока Маша вышла в коридор. Артём шёл впереди — один, с рюкзаком на одном плече. Она догнала его.

— Белов.

Он обернулся.

— Да?

— Ты сказал вчера, что я из лагеря. Из какого?

Артём посмотрел на неё. Без удивления. Как будто ждал этого вопроса.

— «Звёздный». Лето, два года назад. Ты была в отряде «Б». Я был в «А».

Маша помолчала.

— И что ты помнишь?

— Что ты подралась с парнем из «В». — Артём сказал это ровно. — Он тебя довёл, ты ему врезала. Тебя хотели отчислить, но за тебя вступилась вожатая. Сказала, что он первый начал.

Маша смотрела на него. Внутри всё сжалось, но лицо она держала.

— И ты решил рассказать это классу?

— Нет. — Артём поправил очки. — Я сказал Софье, потому что она спросила, откуда я тебя знаю. Я не знал, что это секрет.

— Это не секрет. — Маша помолчала. — Это просто... не то, что я хочу обсуждать.

— Понял. — Артём кивнул. — Извини. Я не хотел тебя подставить.

Он пошёл дальше по коридору. Маша осталась стоять.

Она не знала, что чувствовать. Злость? Облегчение? Он не сделал ничего плохого — просто сказал правду. Но эта правда теперь была в классе. И Софья — та самая Софья, которая хотела быть замеченной, — уже наверняка кому-то рассказала.

Маша достала телефон. Сообщение от Ани: «Ты как?»

Она написала: «Нормально. Поговорили».

Потом убрала телефон и пошла на следующий урок.

В пятницу Дима ждал её у библиотеки.

— Ты чего такой? — спросила Маша, подходя.

— Какой?

— Стоишь, как будто тебя к стене прибили.

Дима усмехнулся — но как-то криво.

— У меня отец уехал. Вчера.

Маша остановилась.

— Совсем?

— Совсем. — Дима посмотрел в сторону. — Сказал, что вернётся через полгода. Мать говорит, что он врёт. Я не знаю, кто из них прав.

— А ты как?

— Я нормально. — Он пожал плечами. — Я всегда нормально.

Маша посмотрела на него. Вспомнила, как он сидел в кафе, как говорил про отца — «опять», «как всегда». Вспомнила, как он дважды провёл рукой по волосам.

— Пойдём, — сказала она. — В библиотеку.

— Ага.

Они сели за стол у окна. Дима открыл ноутбук, но не начал печатать. Просто сидел и смотрел в экран.

— Знаешь, что самое дурацкое? — сказал он вдруг. — Я выбрал этот проект из-за него.

— Как это?

— Он работает в транспортной сфере. Точнее, работал. В департаменте. Когда я выбирал тему, я думал... — Дима замолчал. Потом продолжил: — Я думал, что если я буду делать проект про транспорт, то смогу с ним поговорить. Ну, знаешь. Позвонить, спросить что-то. У него был бы повод ответить.

Маша ничего не сказала.

— Глупо, да? — Дима посмотрел на неё. — Я выбрал тему, чтобы поговорить с отцом. А он уехал. И теперь я делаю проект про транспорт, потому что не могу его не делать.

— Это не глупо, — сказала Маша.

— Правда?

— Правда. — Она помолчала. — Я однажды записалась на волейбол, потому что хотела, чтобы мать мной гордилась. Она никогда не приходила на игры, но я всё равно играла.

Дима посмотрел на неё — долгим взглядом.

— Ты понимаешь.

— Понимаю.

Они помолчали. За окном снова шёл дождь — уже неделю. Маша подумала: если так пойдёт дальше, сентябрь закончится, а они так и не увидят солнца.

— Ладно, — сказал Дима. — Работаем.

Они работали два часа. Писали введение, составляли план, спорили о структуре. Дима оказался упрямым — не в смысле «я всегда прав», а в смысле «я буду спорить, пока не пойму». Маша уважала это.

Когда они закончили, Дима закрыл ноутбук.

— Слушай, — сказал он. — Спасибо.

— За что?

— За то, что не спросила, почему я не сказал про отца раньше.

— Я не спрашиваю, потому что не хочу лезть.

— А если я хочу, чтобы ты лезла?

Маша посмотрела на него. Он смотрел на неё — прямо, без улыбки.

— Тогда скажи, — сказала она. — Я не умею угадывать.

Дима помолчал.

— Ладно. — Он встал. — В следующий раз скажу.

Он ушёл. Маша осталась сидеть.

В понедельник Артём подошёл к ней на перемене.

— Соколова.

— Что?

— Я хотел извиниться. По-настоящему. — Он поправил очки. — Я не должен был говорить про лагерь. Даже Софье.

— Ладно.

— Нет, не ладно. — Артём помолчал. — Я знаю, каково это — когда про тебя что-то говорят, а ты не хочешь. У меня в прошлом году была история. Я не буду рассказывать, но... я понимаю.

Маша посмотрела на него.

— Ты нормальный, Белов.

— Спасибо. — Он улыбнулся — коротко, но искренне. — Ты тоже.

Он ушёл. Маша постояла в коридоре.

Потом достала телефон. Написала Ане: «Артём извинился».

Аня ответила: «Он хороший. Просто неловкий».

Маша написала: «Знаю».

И пошла на урок.

Дальше: Маша узнаёт, что Лера знает про лагерь больше, чем Артём. И что она собирается с этим делать.

Часть 5. Территория

В пятницу Маша осталась после уроков — Ирина Павловна попросила помочь с оформлением классного уголка. Точнее, не попросила. Сказала: «Соколова, ты у нас теперь ответственная за стенгазету, заодно займись уголком». Маша согласилась. Не потому, что хотела. Потому что понимала: если она откажется, это заметят. А если согласится — запишут в «активисты», и это будет ещё одна роль, которую придётся играть.

Кабинет был пустой. Маша сидела на подоконнике, вырезала буквы из цветной бумаги. За окном сентябрь наконец вспомнил, что он осень, — лужи блестели, как разлитая ртуть, листья на берёзе у крыльца пожелтели за три дня. Пахло из открытой форточки мокрой корой и мокрым асфальтом.

Дверь скрипнула. Маша подняла голову.

Лера.

Она вошла без рюкзака, в одной кофте — тонкой, облегающей, с высоким воротом. Волосы были распущены, и это было странно: Маша привыкла видеть её с хвостом, как будто Лера всегда была в форме. Сейчас она выглядела почти... обычной. Почти.

— Ты одна? — спросила Лера.

— Как видишь.

Лера прошла между партами. Не села. Встала у стола, напротив, сложив руки на груди.

— Я хотела поговорить.

— О чём?

— О Диме.

Маша отложила ножницы. Не спешила. Внутри что-то дёрнулось — но не страх. Скорее любопытство. Как будто она ждала этого разговора с первого дня и теперь наконец получила.

— Слушаю.

— Вы работаете вместе. Это нормально. Проект, всё такое. — Лера говорила ровно, как будто читала по бумажке. — Но я вижу, как он на тебя смотрит.

— Как?

— Ты знаешь как.

Маша помолчала. Потом сказала:

— Нет. Не знаю. Объясни.

Лера сузила глаза. На секунду её лицо стало некрасивым — злым, но по-настоящему, без маски.

— Не притворяйся душой. Это не идёт тебе.

— Я не притворяюсь. — Маша спрыгнула с подоконника. — Я новенькая. Я не знаю ваших правил. Ты сказала «он смотрит» — я спрашиваю, как именно. Если ты хочешь, чтобы я что-то сделала, скажи прямо. Если нет — не надо загадок.

Лера смотрела на неё. Долго. Потом вдруг улыбнулась — и это была не та вежливая улыбка. Другая. Усталая.

— Ты правда не понимаешь, — сказала она.

— Чего?

— Что происходит. — Лера отвернулась, подошла к окну. — В этом классе всё устроено просто. Есть Влад. Есть я. Есть Дима. Мы трое — верх. Не потому, что мы лучше. Потому что так сложилось. Влад — деньги. Я — связи. Дима — мозги. Мы держим равновесие.

— И я его нарушаю.

— Ты его нарушаешь, — согласилась Лера. — Потому что Дима никогда ни с кем не работал. Он всегда делал проекты один. Всегда. А теперь он работает с тобой. И это значит, что либо он что-то задумал, либо... — Она замолчала.

— Либо что?

— Либо ты ему нравишься.

Маша ничего не сказала.

— Я не влюблена в него, — продолжила Лера. — Это не то, что ты думаешь. Мы не вместе. Мы никогда не были вместе по-настоящему. Но у нас есть... договорённость. Мы держим друг друга. Потому что если один из нас упадёт, второй тоже упадёт. Это не романтика. Это политика.

— И ты боишься, что он упадёт.

— Я боюсь, что он упадёт из-за тебя. — Лера повернулась. — Ты не из нашего класса. Ты не понимаешь, как тут всё устроено. Ты можешь случайно сломать что-то, что мы строили два года.

Маша подошла ближе.

— Лера.

— Что?

— Ты сказала, что вы не вместе. Но ты только что описала брак.

Лера моргнула. Первый раз за весь разговор — растерялась.

— Это не...

— Это именно то. — Маша не отводила глаз. — Ты не боишься, что я сломаю ваш класс. Ты боишься, что он выберет не тебя. Не как девушку. Как союзника. Потому что если он выберет меня, ты останешься с Владом. А с Владом ты — просто красивая девочка с хвостом.

Тишина. За окном проехала машина — шины шуршали по мокрому асфальту. Лера стояла, не двигаясь. Потом медленно выдохнула.

— Ты жёсткая, — сказала она.

— Я честная.

— Это одно и то же.

Лера отошла от окна. Взяла со стола чей-то забытый пенал, покрутила в руках, положила обратно.

— Ладно, — сказала она. — Я поняла.

— Что ты поняла?

— Что ты не отступишь. — Лера направилась к двери. У порога обернулась. — Только запомни: я тебя предупредила. Не про Диму. Про класс. Тут есть люди, которые не будут с тобой разговаривать, как я. Они просто сделают так, что тебя не будет.

Она вышла. Дверь закрылась мягко — Лера умела закрывать двери так, чтобы это выглядело спокойно.

Маша постояла секунду. Потом вернулась к подоконнику. Села. Взяла ножницы.

Руки дрожали. Немного. Совсем чуть-чуть.

Она отрезала первую букву. Потом вторую.

В понедельник Костя объявил, что в субботу у него день рождения.

— Мне восемнадцать, — сказал он на перемене, стоя на стуле. — Это значит, что я взрослый. Это значит, что я могу голосовать. Это значит, что я могу купить алкоголь. Это значит, что я приглашаю вас всех к себе.

— Куда? — спросил кто-то.

— На дачу. У нас дача в Подмосковье, там есть баня и мангал. Родители уедут в пятницу, так что дом свободен.

Класс зашумел. Кто-то сказал «о, круто», кто-то — «а точно можно?», кто-то — «а мы не спалим дом?».

Маша сидела за партой. Слушала.

— Соколова, ты тоже приходи, — сказал вдруг Костя, повернувшись к ней.

Она подняла голову.

— Я?

— Ты. Ты теперь часть класса. — Он ухмыльнулся. — Ну, почти.

Маша посмотрела на Аню. Аня пожала плечами: мол, решай сама.

— Ладно, — сказала Маша. — Приду.

— Отлично. — Костя прыгнул со стула. — В субботу, в шесть. Адрес скину в чат.

Он пошёл дальше. Маша смотрела ему в спину. Потом достала телефон, записала в блокнот: «Суббота. Дача. День рождения Кости. Быть осторожной».

В субботу Маша приехала на дачу к Косте к шести.

Дом был большой — два этажа, с террасой, увитой диким виноградом. Во дворе уже стояли машины: две или три, не считая отцовской «Шкоды», на которой Костя приехал сам. У калитки Маша остановилась. Поправила куртку. Вдохнула.

Она не любила вечеринки. Не потому, что не умела общаться. Потому что на вечеринках люди становились другими — громче, смелее, глупее. И ей всегда казалось, что она единственная, кто это замечает.

Она толкнула калитку.

В доме было шумно. Музыка играла из колонки на террасе — что-то из русского рэпа, что-то, что Маша не слушала. Народ распределился: кто-то на кухне, кто-то в гостиной, кто-то на улице у мангала. Пахло дымом и маринованным мясом.

Костя встретил её у входа. В фартуке — чёрном, с надписью «ШЕФ» — и с лопаткой в руке.

— О, Соколова! — Он был уже немного навеселе, но держался ровно. — Ты пришла. Молодец.

— С днём рождения.

— Спасибо. — Он вручил ей стакан с чем-то. — Пей.

— Что это?

— Не знаю. Что-то из бара. Вроде ром с колой.

Маша понюхала. Пахло ромом. Она сделала глоток — сладко, противно.

— Нормально?

— Ужасно.

— Значит, зайдёт. — Костя хлопнул её по плечу. — Иди в дом. Там все.

Она вошла.

В гостиной было человек десять. Софья сидела на диване, поджав ноги, и что-то рассказывала — про какую-то поездку, про какого-то парня. Рядом с ней сидел Артём, смотрел в телефон, но слушал. У окна стояли Влад и ещё двое парней — о чём-то спорили. Лера сидела в кресле, с бокалом в руке, и смотрела в телефон с таким видом, будто её здесь нет.

Дима был у стены. Один. Смотрел на всех — так, как она сама смотрела обычно. Со стороны.

Маша подошла к нему.

— Ты чего тут стоишь?

— Наблюдаю.

— За кем?

— За всеми. — Он улыбнулся. — Привычка.

— Плохая?

— Не знаю. Пока не решил.

Они стояли рядом. Молчали. Маша отпила из стакана — ром с колой был отвратительным, но тёплым, и от него по телу расходилось приятное расслабление.

— Ты знаешь, что Лера со мной разговаривала? — сказала она вдруг.
Дима повернулся.
— Когда?
— В пятницу. После уроков. Она сказала, чтобы я была осторожна.
— С кем?
— С классом. — Маша посмотрела на него. — И с тобой.
Дима помолчал. Потом сказал:
— Она тебя предупреждала.
— Она меня предупреждала.
— И что ты ответила?
— Что я не отступлю.
Дима смотрел на неё. Долго.
— Ты ненормальная, — сказал он наконец.
— Знаю.
— Нет, ты правда ненормальная. — Он улыбнулся — и это была не та улыбка, которую он показывал в классе. Другая. Настоящая. — Тебе сказали «осторожно», а ты сказала «не отступлю». Это же... — Он покачал головой. — Это как в кино.
— В кино так не говорят.
— Говорят. В хорошем.
Маша почувствовала, что краснеет. Отвернулась. Сделала ещё глоток.
— Пойдём на улицу, — сказал Дима. — Тут душно.
Они вышли на террасу. Там было прохладно, пахло дымом и осенью. У мангала стоял Костя, что-то переворачивал. Кто-то из парней сидел на перилах и курил.
Дима сел на ступеньку. Маша села рядом.
— Слушай, — сказал он. — Я хотел тебе сказать. Про отца.
— Ты уже сказал.
— Не всё. — Он помолчал. — Он звонил вчера. Из Питера. Сказал, что устроился, что всё нормально, что приедет на Новый год.
— А ты?
— А я сказал: «Хорошо, пап». Как будто мне всё равно. — Дима усмехнулся. — А потом положил трубку и сидел двадцать минут, смотрел в стену.
Маша ничего не сказала. Просто сидела рядом.
— Ты знаешь, что самое паршивое? — сказал он. — Я не хочу, чтобы он возвращался. Вот честно. Я хочу, чтобы он остался там. Потому что когда он здесь, он всё время чем-то недоволен. Мной. Матерью. Собой. А когда его нет — тихо. Но я не могу этого сказать вслух. Потому что это как... — Он поискал слово. — Как предательство.
— Это не предательство.
— Знаю. Но всё равно так чувствуется.
Маша отставила стакан. Посмотрела на него.
— Дима.
— Что?
— Ты не обязан быть идеальным.
Он посмотрел на неё. В глазах было что-то — не слёзы, нет. Что-то другое. Как будто внутри него что-то открылось и он не знал, что с этим делать.
— Ты странная, — сказал он.
— Ты повторяешься.
— Нет. — Он покачал головой. — Я имею в виду... Я не знаю, как это объяснить. Ты не пытаешься меня спасти. Не пытаешься сделать так, чтобы мне стало легче. Ты просто... говоришь правду.

— Правда не всегда делает легче.

— Знаю. Но она честная.

Они сидели на ступеньке. Плечом к плечу. Маша чувствовала тепло его руки — он не касался, но был рядом. Совсем близко.

— Слушай, — сказал Дима. — Я хотел спросить. Ты в лагере... — Он замолчал. — Неважно.

— Спрашивай.

— Ты подралась с парнем. Из-за чего?

Маша помолчала. Вспомнила. Лагерь, волейбольная площадка, парень из «В» — Игорь. Он приставал к Наташе — той самой девочке, с которой она дружила. Сначала словами. Потом схватил за руку. Маша сказала ему отойти. Он сказал: «А ты что, её парень?» Она сказала: «Нет. Но если ты ещё раз её тронешь, я тебе руку сломаю». Он засмеялся. И тогда она ударила.

— Он приставал к моей подруге, — сказала Маша. — Я сказала, чтобы он перестал. Он не перестал. Я ударила.

— И что было?

— Отчислить хотели. Вожатая заступилась. Сказала, что он первый начал. — Маша пожала плечами. — Через неделю лагерь закончился. Я больше никогда её не видела.

— Подругу?

— Наташу. Она переехала. В другой город.

Дима помолчал.

— Ты жалеешь?

— О чём? О том, что ударила? — Маша покачала головой. — Нет. Я жалею только о том, что мы не обменялись телефонами. Наташа и я. Мы могли бы общаться. Но я не спросила. Постеснялась.

— Постеснялась?

— Ага. — Маша усмехнулась. — Я тогда была другой. Более... закрытой.

— А сейчас?

— Сейчас тоже. Просто теперь я хотя бы знаю, что это плохо.

Дима посмотрел на неё. Потом вдруг сказал:

— Можно я тебя обниму?

Маша замерла.

— Зачем?

— Не знаю. — Он пожал плечами. — Просто хочу.

Она не ответила. Просто не отодвинулась.

Дима обнял её — осторожно, как будто она могла сломаться. Одной рукой. Коротко. Маша почувствовала, как его подбородок коснулся её макушки, как тепло от его тела прошло через куртку.

Это длилось секунды три. Может, четыре.

Потом он отстранился.

— Ладно, — сказал он. — Пойдём обратно. А то Костя подумает, что мы тут целуемся.

— Пусть думает.

Дима засмеялся. И это был первый раз, когда Маша слышала, как он смеётся по-настоящему — не коротко, не вежливо, а свободно.

Они вернулись в дом.

Лера видела всё. Маша поняла это сразу — по тому, как она стояла у окна, как держала бокал, как смотрела.

Она не сказала ничего. Просто улыбнулась — вежливо, как всегда.

Но Маша знала: этот вечер что-то изменил. И не только для неё и Димы.

Что-то сдвинулось. И это «что-то» уже нельзя было поставить обратно.

Далше: Машиа и Дима возвращаются в школу в понедельник и обнаруживают, что их разговор на террасе видел не только Лера. В классе начинается война, в которой Машиа оказывается главной мишенью.

Часть 6. Фотография

Где мы: понедельник после дня рождения Кости. В классе появляется фотография, сделанная на террасе. Маша узнаёт, что у Леры есть союзники, о которых она не подозревала.

В понедельник Маша пришла в школу за двадцать минут до звонка.

Двор был мокрый после ночного дождя, и лужи отражали серое небо так чётко, что казалось, будто под асфальтом есть второй город — перевёрнутый, тихий. Маша обошла лужи по краю, привычно, как обходила всё в этой школе: не наступая, не задевая, не привлекая внимания.

В коридоре у кабинета стояла группа девочек. Маша узнала Софью и ещё двух — Дашу и Кристину, которые всегда ходили вместе, как три яруса одной башни. Они замолчали, когда Маша подошла.

Это было первое, что её насторожило. В этой школе люди не замолкали. Они говорили громче, чтобы ты слышала.

— Привет, — сказала Маша.

— Привет, — сказала Софья. И улыбнулась. Слишком широко.

Маша вошла в класс. Аня уже сидела за партой — с книгой, как всегда. Но не читала. Смотрела в телефон.

— Что? — спросила Маша, садясь.

Аня подняла голову. Посмотрела на неё поверх очков.

— Ты в чат заходила?

— Нет. А что?

Аня протянула ей телефон.

В классном чате — том самом, где Ирина Павловна скидывала расписание и домашку, — висела фотография. Маша сначала не поняла, что это. Потом поняла.

Терраса у Кости. Ступеньки. Она и Дима. Он обнимает её — одной рукой, коротко, но на фотографии это выглядело иначе. Дольше. Ближе. Интереснее.

Фотография была обрезана: Костя с мангалом и парень на перилах не попали в кадр. Только они двое. Только его рука на её плече. Только её лицо — которое на фото выглядело не удивлённым, а... счастливым. Маша не знала, что у неё было такое лицо.

Под фотографией — сообщения.

«Это когда было?»

«В субботу. На даче у Кости».

«Орлов, ты чего?»

«А Лера знает?»

«Лера, ты видела?»

Последнее сообщение было от Леры: *«Видела. Всё нормально. Мы не вместе, я же говорила».*

И потом, через минуту: *«Но спасибо, что спросили. Приятно, когда о тебе думают».*

Маша вернула телефон.

— Кто это сделал?

— Не знаю. — Аня пожала плечами. — Фото появилось вчера вечером. Без подписи. Кто-то скинул в чат с левого аккаунта.

— С левого?

— Новый аккаунт. Без аватарки. Без имени. — Аня помолчала. — Но кто-то же был на даче. Кто-то, кто видел.

Маша посмотрела на класс. Софья у окна — с телефоном, улыбается. Даша и Кристина — рядом, хихикают. Влад — на первом ряду, смотрит в стену, как всегда. Лера — на своём месте, с идеальной осанкой, с идеальным хвостом, с идеальным лицом.

Дима вошёл за секунду до звонка. Сел. Не обернулся.

Маша смотрела на его спину. Ждала. Он не оборачивался.

На перемене она подошла к нему сама.

— Ты видел?

— Видел. — Дима не поднимал глаз от телефона. — Весь класс видел.

— И что?

— И ничего. — Он наконец посмотрел на неё. — Это просто фото. Мы сидели на ступеньке. Я тебя обнял. Ничего не было.

— Ты говоришь это так, будто оправдываешься.

— Я не оправдываюсь.

— Правда?

Дима помолчал. Потом убрал телефон в карман.

— Маша. — Он понизил голос. — Это не про нас. Это про класс. Кто-то хочет, чтобы мы выглядели... не так, как надо. Чтобы Лера выглядела брошенной, а я — тем, кто её бросил. Понимаешь?

— А ты её бросил?

— Нет. — Он выдохнул. — Мы не вместе. Я тебе говорил. Она тебе говорила. Но в классе все думают, что мы вместе. Это удобно. Это держит равновесие.

— И ты хочешь, чтобы оно держалось?

Дима посмотрел на неё. Долго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.